

*Наталья Николаева**

К ВОПРОСУ О РОЛИ КАЛЬКИРОВАНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА

Семантическое и структурное калькирование давно и безоговорочно признано одним из излюбленных приемов средневековых переводчиков в передаче новых для принимающего языка понятий. Семантическое калькирование представляет собой более редкий способ, чем калькирование структуры слова оригинала. Тем не менее, можно констатировать существенную роль обоих приемов в развитии лексической и словообразовательной системы древнеславянского – а через него и русского литературного языка. На примере разновременных переводов богословских памятников – «Богословия» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского (X в.) и корпуса сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита в переводе инока Исаяи (XIV в.) – проследим эти процессы в тексте и раскроем их значение для языковой парадигмы.

Семантическое калькирование предполагает наделение существующего в языке слова новым, заимствованным из языка-источника значением. Особенность этого процесса на славянской почве состояла в следующем. Во-первых, семантическое калькирование более свойственно ранним переводным памятникам, в которых появляется необходимость актуализации значений, связанных не только с новым христианским вероучением, но и с новыми научными знаниями, транслируемыми через эти тексты. Во-вторых, семантическое калькирование совпадает, таким образом, хронологически с периодом семантического синкретизма славянской лексики, поэтому приобретаемое новое значение встраивается в уже имеющийся в языке семантический комплекс определенного слова и проявляет себя (по крайней мере в начале истории своего функционирования) только в своеобразном поле напряжения между конкретным контекстом и его оригиналом. Предположим, что семантический синкретизм в принимающем языке был фактором, способствующим семантическому калькированию. А семантическое калькирование в свою очередь сдерживало собственно лексическое заимствование. Тот факт, что в языке ранних

* Казанский государственный университет.

славянских переводов удельный вес собственно лексических заимствований весьма невелик, несмотря на «необразованность» (Горский, Невоструев) – в особенности по сравнению с византийским греческим – языка, отмечали многие исследователи древнеславянской книжности. Не умаляя достоинства переводческого искусства, подчеркнем, что предпосылки к умеренному использованию заимствований содержались в лексической системе славянского языка.

В переводе «Богословия», как одном из ранних памятников древнеславянской книжности, должно обнаруживаться, таким образом, относительно большое число семантических калек. Действительно, Иоанн экзарх не только использует уже вошедшие в традицию калькированные значения слов слово (λόγος), оумъ (νοῦς), образъ (σύμβολον), крѣтъцъ (σταῦρος), добротъ (ἀρετή) и подобные, но и сравнительно новые значения, некоторые из которых, возможно, были перенесены на славянскую почву им самим. Это такие примеры, как: вещь в значении στοιχείον ‘стихия’, лювъз в значении οὐχέσις ‘отношение’, врѣдъз в значении πάθος ‘страсть’, съшествыѣ в значении συμβεβηκός ‘случайное’, а также названия знаков зодиака – юнота, ярьмъ, скрапи, стрѣльць и т.п. В некоторых случаях, в том числе в последних примерах, происходит своего рода транспозиция: значения не просто калькируются – слово переходит в разряд термина. Ср. в тексте: огонь ѣдина вещь ѣсть ѿ четъриъ (στοιχείων) (130б); трѣвъъ оубо коягождо еже о божѣ глѣмъ не что соущеемъ естъ съказати мнѣти, нъ еже нѣсть явлѣеть или лювъз коюю къ кому, иже възкоутаеми соуть или же възслѣдъствоуютъ естъства, или дѣства (87 а–б); да естъствнии суть вредѣ и алчь и жадаание (182б); тьма же ѣсть не соущество чьто, нъ съшествыѣ, свѣта во ѣсть лишеныѣ (131б) и т.п.

В первом переводе Ареопагитик новых семантических калек обнаруживается в относительном плане гораздо меньше, чем в «Богословии», и это в основном новые термины (или попытки их создать): **рачительство** (изначально ‘страсть, удовольствие’) в значении ἔρωc ‘экстатическая любовь, божественный эрос’, **тимѣние** (изначально ‘тина, грязь’) в значении ὕλη ‘материя’ и немногие другие. С одной стороны, такое положение вещей связано с активным продолжением распада семантического синкретизма; с другой стороны, к XIV в. основной лексический состав богословской литературы устоялся, семантическое калькирование использовалось только для некоторых обновлений старых эквивалентов или создания немногих новых.

Здесь нужно заметить, что калькирование – как семантическое, так и структурное – явление сиюминутное: калька создается и какое-то время имеет налет новизны, но затем начинает существовать самостоятельно, не соотносясь более с языком-источником и не только подчиняясь законам воспринимающего языка как его органическая часть, но и внося в них

коррективы и иногда создавая новые законы. В отличие от собственно лексического заимствования, период адаптации кальки, в особенности кальки семантической, значительно короче. В этом заключается большой потенциал калькирования в вопросе влияния на лексическую систему воспринимающего языка.

Снижение доли семантического калькирования в переводных текстах, несомненно, связано с распадом семантического синкретизма, свойственного раннему этапу языкового развития. При распределении значений бывшего синкретичного слова между разными референтами меняется взгляд на взаимоотношения между самими значениями. Если при новом положении вещей смысловая связь между значениями сохраняется, то мы говорим об омонимах, возникших словообразовательным путем (семантическое словообразование); если же смысловая связь отсутствует, мы воспринимаем новые слова как омонимы, возникшие лексическим путем, чаще всего в результате случайного звукового совпадения совершенно разных слов. Таким образом, с распадом синкретизма в языке возникают новые парадигматические отношения, меняющие не только лексическую систему самого языка, но и вносящие изменение в отношения между языком-источником и воспринимающим языком при переводе. При этом семантические возможности слова, которые использовало семантическое калькирование, сокращаются – в частности, компенсируясь увеличением деривационных потенциалов слова. Последние начинают активно развиваться и функционировать, существенно понижая долю семантического калькирования, по крайней мере, в относительном плане.

Семантическое калькирование в тексте явилось в какой-то мере прообразом семантического словообразования в языке, которое начинает развиваться только после распада семантического синкретизма в связи с появившейся возможностью переноса значений и образования вместе с тем новых лексических единиц. Механизм переноса значений отрабатывался еще в рамках семантического калькирования.

Структурное калькирование также, несмотря на кажущуюся ясность процесса, ставит перед исследователями ряд вопросов, до сих пор не получивших основательного и последовательного освещения в научной литературе. Во-первых, это вопрос соотношения формы и содержания (значения) в структурно калькированном образовании. Во-вторых, это вопрос соотношения структурного калькирования и словообразовательных процессов внутри воспринимающего языка. В-третьих, это вопрос о судьбе калькированного слова в языке и влиянии калькирования на собственно внутриязыковые словообразовательные и лексические процессы. Все три вопроса тесно связаны между собой, и решать их можно тоже только в комплексе.

Мы уже писали о том, что калькирование – это процесс, можно сказать, единоразовый. Структура слова исходного языка повторяется в слове воспринимающего языка, при этом слово воспринимающего языка вместе со структурой заимствует из исходного языка также и значение: в момент калькирования значение нового слова равно сумме значений его структурно составляющих (морфем). Уже в самом начале этого процесса заключен парадокс: слова языка-источника, прежде чем структурно повториться в воспринимающем языке, в большинстве случаев должны были подвергнуться ретимологизации, поскольку, как слова производные, они соотносились с определенным производящим и выделяли в своем составе только производящую основу и формант, и значение их не складывалось из суммы значений каждой из исторически приобретенных словом морфем, но переводчик производил аналитическое действие по выявлению морфемной структуры слова-образца (иногда, кстати, допуская ошибки). Итак, калькированное слово появляется в тексте, оно имеет статус окказионализма и в этом статусе оно может функционировать в определенном типе текста достаточно долго, поддерживая это равновесие между суммой ее составляющих и общим значением и стремясь сохранить прозрачную внутреннюю форму. Но с момента возникновения кальки в тексте начинается ее взаимодействие и с системой воспринимающего языка, и в языке калькированное образование как таковое не может существовать долго, поскольку это нарушает принцип идиоматичности слова: калька должна либо адаптироваться, либо исчезнуть.

Если переводчик, калькируя образование исходного языка, опирается на живые потенции славянской языковой стихии, то в результате новое слово встраивается в определенные парадигматические отношения, существующие в языке, или само порождает новую жизнеспособную словообразовательную модель языка (мы описываем некий идеальный случай – на практике это, как правило, не одно слово, а ряд однотипно переведенных слов, то есть уже заранее с задатками модели). В результате калькированное слово постепенно теряет зависимость от слова оригинала через нейтрализацию морфем, в котором основную роль играет обретение им мотивированности с другим словом в рамках воспринимающего языка; соотнесенность с конкретным словом рождает новую членимость, а новая членимость – новое словообразовательное значение, которое корректирует изначальное (калькированное вместе со структурой) лексическое значение.

Здесь следует вспомнить, что М. В. Панов считал, что производное слово вообще обладает фразеологичностью семантики: его лексическое значение не складывается из значений его составляющих, а представляет собой нечто большее (Панов 1956: 129–165). О. П. Ермакова уточняет эту мысль: фразеологичность семантики более всего присуща производным существительным (Ермакова 1975: 58). Для нас важна именно общая

тенденция к фразеологизации значения – в нашем случае не в производном слове, а в калькированном, в момент его домотивированности: тенденция к идиоматизации и является импульсом к нахождению соотнесенности внутри принимающего языка и уже затем, вследствие этого, к семантическим модификациям. В результате изначальные морфемные «швы» в калькированном слове «сплавляются» и остается только один – маркирующий производящую морфему; слово деэтимологизируется и достигает своеобразного предела, к которому оно стремилось, – идиоматичности.

Если в общем обозреть этот процесс с начала до конца возможно, только располагая широким языковым материалом и учитывая особенности каждого конкретного случая, то частичное доказательство постепенной утраты калькированным образованием зависимости от (греческого) оригинала и, следовательно, затемнения его внутренней формы обнаруживается уже в традиции переводных одностилевых текстов (или даже одного и того же текста), когда изначальная калька начинает переводить самые разные слова оригинала, игнорируя структурное сходство, и наоборот: слово оригинала переводится не только калькой. Такое явление присутствует уже в самых ранних памятниках. Ср.: ἀνάστασις – **взстание**, но и **взскрьсение**, δημιουργός – **народотворец**, **народотворитель**, но и **творец**, λογικός – **словеснъ**, но и **мыслнъ** и **разоумнъ**, ἀγαθότης – **благость**, **благота**, но и **благодать** (примеры из «Богословия»); συμπάθεια – **състрадание**, но и **завѣщание**, **благосердие** и **милосердие**, ἀνομοιότης – **неравенство**, но и **отличенство**, **отличенствие**, ἀντίθεσις – **противоположение**, но и **противление**, **супротивление**, διακόσμησις – **удобрение**, но и **доброта**, ἔκβασις – **исшествие**, но и **событие** (примеры из Ареопагитик) и т.д. и т.п.

Другие калькированные образования не претерпели структурных и семантических изменений, они сохранили свою внутреннюю форму, ясно указывающую на структуру слова исходного языка, но при этом они остались достоянием церковнославянского языка, точнее церковнославянских текстов, и не вошли в систему русского литературного языка. Таких калек не очень много (*накыбытие*, *народодѣтель* и под.), и все они, как правило, ведут свое происхождение от первых переводов Священного Писания. Они функционируют в основном в цитатах, что является еще одним веским фактором их сохранения в церковнославянской традиции.

В связи с соотношением процесса калькирования с внутриязыковыми лексическими процессами стоит упомянуть интересную теорию австрийского слависта К. Троста, который предложил различать собственно структурные кальки (Lehnübersetzungen) и так называемые «параллельные образования» (Parallelbildungen). Собственно структурные кальки, по Тросту, обладают следующими необходимыми качествами: их денотативное значение не может быть получено самостоятельно в ходе славянского

словообразовательного процесса, но должно быть перенесено из греческого слова-образца, при этом переносится не только значение этого слова, но и особенности (греческого) словообразования. Импульсом структурного калькирования является формальная и содержательная лакуна в воспринимаемом языке (Trost 1978: 255). Параллельные образования, в отличие от собственно калек, могут самостоятельно, посредством внутриязыковых словообразовательных процессов, развивать свое основное значение; они представляют собой не такие, как кальки, осознанные и искусственные структурные соответствия, а потенциально заложенные в лексической и словообразовательной системе воспринимающего языка образования, которые нуждаются лишь в актуализирующем импульсе языка исходного, и лишь этот импульс является фактором зависимости от слова исходного языка. Структурное соответствие параллельных образований греческим образцам основано на более или менее общих принципах греческого и славянского словопроизводства, особенно в области суффиксации и префиксации. Значение славянского слова, эквивалентное греческому значению слова-образца, обусловлено внутриязыковым деривационным процессом (Trost 1978: 256–257).

В целом принимая эту теорию, мы хотели бы сделать акцент на следующих положениях, которые кажутся нам важным ее уточнением:

1) нужно отдавать себе отчет в том, насколько сложно, а иногда и невозможно с точностью квалифицировать некоторые слова как кальку или как параллельное образование в связи с упоминавшейся типологической близостью греческого и славянского, в частности в области словообразования, и в связи с невозможностью проследить историю каждого отдельного слова;

2) понятие «параллельное образование» применимо более к диахроническому, чем к синхроническому описанию словообразовательной и лексической системы переводного текста: согласно нашему пониманию процесса калькирования, изложенного выше, со временем количество «параллельных образований» в тексте должно нарастать, поскольку под влиянием калькирования формируются определенные модели, и таких моделей становится все больше; кроме того, структура параллельного образования уже двучленна (производящая основа + формант) и значение идиоматично;

3) понятие «параллельное образование» более свойственно суффиксальным и префиксальным калькам, нежели калькам-композирам или калькам-сращениям.

В связи с последним утверждением представляется необходимым ввести типологию структурных калек (и параллельных образований) на основании того способа словопроизводства, с которым будет соотноситься калькированное слово впоследствии, уже в системе языка. Так, на наш

взгляд, можно вычлени́ть: а) префиксальные кальки, б) суффиксальные кальки, в) конфиксальные кальки, г) кальки-компози́ты, д) кальки-сращения.

Структурное калькирование переводных памятников имело достаточно большое воздействие на словообразовательную систему русского литературного языка: оно могло (через параллельные образования или образования по подобию) активизировать некоторые общие способы словопроизводства или оказывать влияние на формирование новых. Калькирование было мощным катализатором словообразовательных процессов в истории русского языка. И одно из парадоксальных свидетельств этому – отказ переводчиков от калькирования в определенных случаях.

Отказ от калькирования – это не нарушение переводческой концепции и не особая техника перевода. Это одно из тех явлений, которые говорят о глубинной связи между книжно-письменным древнеславянским языком и живой славянской языковой стихией. Переводчики не используют возможности структурного калькирования, используя имена нулевой суффиксации. Вот только некоторые примеры (особенно многочисленны они у Иоанна экзарха; многие соответствия повторяются в обоих памятниках, но здесь приводятся только единожды): βούλησις – **мысль**, συγκατάθεσις – **вещьда**, χειραγωγή – **вождь**, ἀμαρτία – **грѣхъ**, γενετή – **родъ**, κτίσιμα – **тварь**, κρίμα, καταδίκη – **сждъ**, ἀρρώστητας – **аза** (из «Богословия»), διάνοια – **мысль**, ἀναλογία – **мѣра**, σύμβολον – **образъ**, συσσεισμός – **трѣсъ**, ἀκολασία – **блвдъ**, ἀδικία – **овида** (из Ареопагитик) и др.; а также нулевые образования, имеющие в своем составе (в отличие от греческих соответствий) префикс: **сзмъсъ** – μίξις, **ограма** – αἰσχύνη, **оурѣзъ** – τόμος, **постоупъ** – κίνησις, **похотъ** – θέλημα, **наоукъ** – ἔθος, **оутвьрда** – στήριγμα (из «Богословия»), **въздвхъ** – ἀέρ, **позоръ** – θέαμα, **помысль** – λογισμός, **предѣлъ** – ὄρος, **прелестъ** – πλάνη, **проповѣдь** – κήρυγμα, **развмъ** – γνώσις, **вставъ** – θεσμός, **втварь** – κόσμος (из Ареопагитик) и т.п. Причина такого необычного перевода – в происхождении образований нулевой суффиксации. Имена этого словообразовательного типа принадлежат к древнейшим пластам лексического состава языка; кроме того, их отличала большая семантическая емкость и гибкость. Работая над переводом, книжники подбирали греческим словам устоявшиеся в языке соответствующие славянские эквиваленты. *‘Воздух’, ‘мысль’, ‘мера’, ‘грех’, ‘болезнь’, ‘предел’, ‘несправедливость’, ‘сотрясение’* и т.д. и т.п. – естественно, что все эти понятия имели в литературном языке славян адекватные устоявшиеся эквиваленты (**въздвхъ**, **мысль**, **мѣра**, **грѣхъ**, **аза**, **предѣлъ**, **овида**, **трѣсъ** и т.д.). В сфере других словообразовательных типов тоже может наблюдаться подобное игнорирование структуры греческого слова по схожим причинам.

В целом, семантическое и структурное калькирование способствовало не только развитию и расширению потенций русского словопроизводства во всех его ипостасях, но и осуществлению ментализации новых культурных понятий, пришедших через переводные тексты и обогативших впоследствии концептосферу русского языка.

ИСТОЧНИКИ

Johannes von Damaskus, 1967–1983, *Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes*, hrsg. von L. Sadnik, Wiesbaden, Freiburg i. Br. Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием, (1870), под ред. С. Палаузова, Москва, Санкт-Петербург, т. 3, с. 263–788.

ЛИТЕРАТУРА

- Ермакова О. П.** (1975), *Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур*, «Учен. зап. Ташкент. гос. педагог. ин-та», т. 143, с. 57–63.
- Панов М. В.** (1956), *О слове как единице языка*, «Учен. зап. Моск. гос. педагог. ин-та», т. 51, вып. 5, с. 129–165.
- Trost K.** (1978), *Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und – praxis des späteren Kirchenslavischen : Die Abstrakta in der Hexaemeronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469*. München.

Natalia Nikolaieva

ZUM PROBLEM DER LEHNÜBERSETZUNG IN DER GESCHICHTE DER RUSSISCHEN WORTBILDUNGSLEHRE

Im Beitrag handelt es sich um Probleme der Lehnübersetzungen und Lehnbedeutungen im Zusammenhang mit der Entwicklung des lexikalischen Sprachsystems und des Wortbildungssystems des Altslavischen und später des Russischen. Die Forschungsergebnisse können folgenderweise formuliert werden:

1. Die Entstehung und das Funktionieren der Lehnprägungen im Slavischen war eng mit Besonderheiten des slavischen Sprachsystems verbunden. Der semantische Synkretismus befördert anfangs die Erscheinung von Lehnbedeutung, bei seinem Auflösen wächst aber der Anteil von Lehnübersetzungen an.
2. Die beiden – Lehnbedeutungen und Lehnübersetzungen – waren ein wirksamer Katalysator für die innersprachlichen Wortbildungsprozesse – für die semantische bzw. morphemische Wortbildung.
3. Das kann sich verwirklichen nur unter dem Umstand, dass eine Lehnprägung eigentlich als solche nicht lange währt und sich bald nach ihrem Aufkommen ins Sprachsystem einbürgert.